Филип Гласс: «Минимализм закончился»

Знаменитый композитор любит Баланчина и Шостаковича

Независимая 2003 2 дек с 7

Елена Лазарева

Филип Гласс два вечера подряд выступал в ММДМ, после творческой встречи со зрителями, дирижируя Philip Glass Ensemble (ансамбль играл музыкальное сопровождение к фильму Годфри Реджио «Койяанискаци»), выступил с сольным концертом в центре Павла Слободкина. Маэстро ответил на вопросы корреспондента «НГ».

– Господин Гласс, минимализм для вас – это музыка, способ жизни, философия или что-то еще?

– Это исторический период. Он начался в середине 60-х и для меня закончился в середине 70-х. Этот момент был очень важным, поскольку помог изменить направление музыки. Но он прошел очень быстро. Теперь можно говорить о минимализме как о какой-то разновидности маньеризма. То есть люди пишут в какой-то манере, а это уже маньеризм. Я думаю, что в истории музыки это был очень важный момент. Минимализм должен был срочно появиться. Но после этого его значение было быстро утеряно. Мы говорим о минимализме так, будто он был вчера. Но сейчас настоящих минималистов не так уж и много. Потому что некоторые композиторы просто прилепились к этой концепции и продолжают ее разрабатывать. Но мне это кажется странным. Если вы сравните мою версию музыки к фильму «Красавица и чудовище» с оперой «Эйнштейн на пляже», то поймете, что это совершенно разные вещи. Если бы я продолжал писать музыку, похожую на «Эйнштейна на пляже», вы, наверное, сейчас со мной не разговаривали.

– Прежде чем заняться музыкой, вы изучали математику и философию. Влияют ли эти знания на музыку, которую вы сочиняете?

– Вообще-то сначала я занимался музыкой. Она стала частью моей жизни, когда мне было шесть лет. Но моим первым, формальным образованием были занятия математикой и философией, конечно, это не могло не повлиять на мой творческий путь.

– В Москве не так давно состоялась премьера третьего фильма Годфри Реджио «Накоякаци», почему вы приехали только сейчас, с его первым фильмом – «Койяанискаци»?

– Никто не приглашал меня в Россию, и я даже не знал об этой премьере. Но думаю, что начинать смотреть трилогию Реджио нужно с фильма «Койяанискаци», поскольку фильм (несмотря на то, что он снят двадцать пять лет назад), очень многое рассказывает о сегодняшнем мире. Я думаю, что «Накоякаци» – очень трудный фильм. Я бы мог сыграть его саундтрек, но обязательно в сочетании с музыкой для других картин. Думаю, что и «Накоякаци» нужно показывать в сочетании с другими фильмами Реджио: «Койяанискаци» или «Повокаци». Тогда он будет включен в правильный контекст. У Годфри есть способность видеть вещи, которые должны произойти в будущем. «Накоякаци» смотреть довольно сложно – то, о чем он рассказывает в этом фильме, еще не произошло. Думаю, лет через десять эта проблема исчезнет. Все фильмы Реджио – это в каком-то смысле поэзия, и невозможно посмотреть все за один вечер, и сразу все усвоить. Знаете, фильму «Койяанискаци» уже двадцать пять лет, а люди до сих пор смотрят его как новое кино. Это настоящий феномен: мы воспринимаем старый фильм как совершенно свежий и новый. Значит, манеру работы Реджио можно назвать очень радикальной.

– Вы часто говорите, что на вас повлияла музыка Шостаковича. Кто еще из русских художников или писателей оказал воздействие на ваше творчество?

– В первую очередь Малевич и Кандинский. Я хорошо знаю картины этих художников, они очень популярны в Америке. И, конечно, русские классики: Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Исаак Бабель. К сожалению, я плохо знаю русскую литературу после Бабеля и плохо знаю русскую музыку после Шостаковича. Еще на меня повлияла современная хореография. Она началась с Джорджа Баланчина, грузина, приехавшего из России. Очень многие люди начали творить под влиянием Баланчина, в частности, Боб Уилсон, другие знаменитые режиссеры. ■

Филип Гласс по первой профессии математик. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Музыка стала частью моей жизни в шесть лет